

Яков Шехтер

БЫВШИЙ АГЕНТ МОССАДА

В «Хилтоне» все очень дорого. За номер на пятницу–субботу дерут безумные деньги. Но роскошь, роскошь! Царская мебель, шахские ковры, королевская ванна, а постель будто из «Тысячи и одной ночи»; вот только ложиться в нее одному — настоящее преступление!

Обеды и ужины как в лучшем ресторане. Облизываешь не только пальчики, но и руку до самого локтя. А выбор — глаза разбегаются. Вкусно — желудка не хватает перепробовать и половины.

Ну и пусть, что дорого — он может себе позволить. Все-таки четыре своих магазина, продажа и ремонт электроники. Что продаем, то и ремонтируем. Это уже торговая сеть, и он только в начале пути. Если... если эта сумасшедшая баба не остановит....

Кофе после ужина Илья заказал в номер. Включил любимую музыку и сидел возле окна, наблюдая, как оранжевое солнце садится в фиолетовые волны. Закат всегда пробуждал в нем воспоминания детства. Он вырос на Черном море и, оказавшись в Израиле, попросил поселить его в Тель-Авиве неподалеку от набережной. Речь шла о нескольких днях, затем нужно было снять квартиру и перебраться.

На второй или третий вечер, еще проживая в гостинице за счет министерства абсорбции, Илья пошел смотреть закат. Увы, вместо теплой ностальгии он нарвался на непривычные ощущения. В Одессе солнце садилось за спиной, ровно освещая водную гладь или волны, в зависимости от погоды, а утром поднималось из моря розовой Авророй.

Завершающим аккордом каждого школьного выпускного вечера была встреча восхода. Десятиклассники со всего города шли пешком по темным, пахнущим рассветной свежестью улицам, собираясь на Приморском бульваре. Илья запомнил ту ночную прогулку, как большой кайф, особенно мгновение, когда краешек солнца появился из морской пучины.

Они заорали, запрыгали, кто-то, подражая выпускникам Уэст-Пойнта, швырнул вверх фуражку. Восторг и счастье, символическое начало новой жизни, долгожданной зрелости, свободы и равноправия.

В Тель-Авиве все было наоборот. Смотреть на море оказалось невозможным; солнце важно и медленно опускалось в волны, слепя глаза. Самым обидным было то, что аборигены спокойно сидели лицом к морю за столиками многочисленных кафе или просто на скамейках, невозмутимо наблюдая закат. Он ушел разочарованным, сам не понимая, на кого и за что злится.

Но не прошло и двух недель, как Илья незаметно для себя приоровился смотреть на волны, не замечая слепящего диска, и, приловчившись, стал получать немалое удовольствие от последних мгновений уходящего дня.

В этом неспешном погружении красного в зеленое скрывалось ничуть не меньше символики, чем в утреннем расставании багрового и черного. Может быть, поэтому, осторожно попивая горячий, ароматнейший кофе, Илья начал вспоминать прошедшие годы.

Тель-Авив он принял сразу. Было в этом городе что любить и чем наслаждаться. Улицы старых кварталов напоминали Одессу. Не архитектурно, хотя первым архитектором таки был одессит, а чем-то неуловимым, родным и понятным, что, наверное, называется аурой. Илья не любил «духовные» словечки, однако ничего более подходящего так и не смог подобрать.

Многие из отцов-основателей Тель-Авива действительно приехали из Одессы, но кроме названий улиц и восторженных возгласов экскурсоводов, от них давно и следа не осталось. За сто лет почти все поменялось, вот только атмосфера, да-да, аура, намертво вцепившаяся в камни домов, старые деревья и булыжники, давала о себе знать, словно едва уловимая мелодия. Кто-то ее слышал, а кто-то лишь недоумевающе пожимал плечами. Илья слышал.

Иврит он выучил еще в Одессе, поэтому, минуя курсы языка, сразу отправился на поиски работы — ремонт бытовых приборов. Телевизоры, видеоманитофоны, стиральные машины послушно разверзали свое электронное нутро под его ловкими пальцами. Неисправности Илья не вычислял, а чувствовал, подобно тому, как ощущал ауру старого города. Никто его этому не учил, да и вряд ли такому можно научить.

Подробности своего трудоустройства он всегда вспоминал с большой теплотой. Во время одной из прогулок по кварталам старого города он увидел странный дом, обклеенный теннисными ракетками. Даже стульчик у входа был сделан из ракеток. Илья остановился, разглядывая это чудо, и тут его окликнули откуда-то сверху.

— Эй, парень, не сыграешь со мной партию?

Илья поднял голову и увидел в открытом настежь окне второго этажа немолодого мужичонку с ракеткой в руках. В юности Илья увлекался настольным теннисом и даже сдал на первый юношеский разряд.

— Почему бы и нет? — отозвался он.

Мужичонка играл неплохо, хорошая реакция, быстрый ответ, но возраст, возраст — как ни крути, Илья его опережал. Сыграли несколько партий. После второй мужичонка представился именем библейского пророка Иехезкеля, можно просто Хези, после третьей предложил выпить кофе.

Пока Илья, стоя у окошка, рассматривал черепичные крыши старого города, Хези заварил крепчайший, очень пахучий, очень сладкий кофе.

— И где так здорово научился играть? — спросил он, когда, усевшись в старые, плетеные из камыша кресла, они начали осторожно отхлебывать горячую черную жидкость.

— В Одессе.

— О, славный город, много о нем слышал. А что тут делаешь?

— Да я только приехал, — честно ответил Илья, — ищу жилье, хотел бы поселиться у моря.

— Хм-м-м, а что ты еще умеешь делать, кроме тенниса?

— Чиню домашние электроприборы.

— Любые?

— Ну, почти любые.

— А вот глянь, у меня тут радио играть перестало.

Хези поднялся и подвел Илью к стоящему в дальнем углу комнаты древнему ламповому приемнику.

— Откуда у вас эта музейная редкость? — Илья уважительно погладил бока полированного ящика.

— Музейная? — удивился Хези. — Он сорок лет работал без остановки. Всего пару месяцев назад сдох.

— Дайте посмотрю.

Илья развернул приемник, снял крышку и быстро пробежал пыльные внутренности сначала глазами, потом пальцами. Устроены эти аппараты были проще пареной репы, не сравнить с нынешними агрегатами.

— Лампа перегорела, — вынес он приговор, рассмотрев на свет стеклянную колбу.

— Можно заменить? — спросил Хези.

— Можно, только где такую взять? Их давно перестали производить.

— А ну пойдём.

Они спустились на первый этаж, Хези отпер дверь в комнату, заваленную всяким хламом, распахнул деревянные жалюзи. У стенки стоял еще один приемник, по виду куда более роскошный, чем первый.

— Этот испортился много лет назад, — произнес Хези, отодвигая в сторону картонные коробки, мешающие подойти к приемнику. — Глянь, может ты из двух поломанных сумеешь собрать один работающий?

Илья залез во внутренности и удивленно присвистнул. Внутри приемники ничем не отличались один от другого. Вернее, это был тот же самый аппарат, только в ином корпусе.

— Да, тут есть такая же лампа, — сказал он через минуту, сдувая пыль с детали. — Вид у нее целый, давайте попробуем.

Когда загорелся зеленый глазок и комната наполнилась звуками восточной музыки, Хези восхищенно взмахнул руками.

— Э, парень, да ты на все руки мастер! Где сейчас работаешь?

— Пока нигде.

— А где живешь?

— Тоже нигде.

— Что, бомжуешь? — напрягся Хези. Такой стиль явно не совпадал с его представлениями о правильном образе жизни.

— Пока нет, — успокоил его Илья. — Живу в гостинице от министерства абсорбции, но послезавтра пора выезжать.

— Хорошее у тебя положение, — усмехнулся Хези. — Нигде не работаешь, нигде не живешь. Славно, славно. Ну, пойдём, погуляем.

Шел Хези быстро, нервно подпрыгивая через шаг, точно птица. Спустя десять минут петляния по улицам Илья сбился и уже

не понимал направления. Впрочем, повода для волнений не было, потеряться в тридцати улочках старого Тель-Авива практически невозможно.

Резко свернув в очередной проулок, Хези остановился перед витриной, заставленной новой и старой электроникой. Тут же распахнулась дверь, и на улицу вышел неопределенного возраста полный мужчина, одетый в типично тель-авивском неряшливом стиле. Широкие шорты болтались под животом, захватанная пальцами футболка свободно свисала, на ногах были шлепанцы-вьетнамки.

— О, Хези, здорово, брат! — вскричал толстяк, протягивая широкую ладонь для рукопожатия. — А это кто с тобой?

— Твой новый работник, — ответил Хези, звучно хлопая толстяка по ладони. — Причем со вчерашнего дня.

— Ну, если ты говоришь, — осторожно заметил хозяин магазинчика. — А что он умеет чинить?

— А все.

— Такого не бывает.

— А ты проверь. И аванс парню выплати, он комнату у меня снимает.

Хозяин, не говоря ни слова, вытащил из кармана несколько банкнот.

Возвращались молча, у Ильи было ощущение, что он попал в кино.

Подойдя к дому, обклеенному ракетками, Хези спросил:

— Комнатка на первом этаже тебе подойдет? Хлам вынесем, кровать и шкаф найдем. О плате не беспокойся, много не возьму, расплачиваться будешь теннисом, одна партия каждый день, а по выходным — три партии.

— С удовольствием! — воскликнул Илья, чувствуя, как жаркое крыло фортуны задевает его лицо.

Полностью текст можно будет прочитать позднее на нашем сайте www.new-youth.ru в разделе "Архив".